

## **В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский**

История русской геополитики пишется кровью поражений. Она представляет собой опыт критической рефлексии той или иной политической катастрофы и набор рекомендаций, как сделать так, чтобы «никогда больше». В этом отношении два выдающихся русских геополитика – Николай Яковлевич Данилевский и Вадим Леонидович Цымбурский – во многом между собой сходны.

Данилевский в «России и Европе» пытался осмыслить опыт поражения России в Крымской войне, когда вся Европа внезапно выступила против казавшихся абсолютно законными российскому императору притязаний на раздел османского наследства и, в частности, на Константинополь [4]. Почему Европа позволила Пруссии Бисмарка хищнически объединить Германию «железом и кровью», но не дала России изгнать врагов всего христианского мира с Босфора и освободить от его ига единокровных русским славян?

Ответ Данилевского стал базовым для русской цивилизационной мысли: Европа и Россия – это два разных культурно-исторических типа – романо-германский и славянский, – и потому Европа всегда будет противиться укреплению и расширению России, особенно в западном (включая юго-западное) направлении. «Борьба с Европой неизбежна из-за Восточного вопроса, т.е. из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Царьградом, – из-за всего того, что, по мнению Европы, составляет предмет незаконного честолюбия России, а по мнению каждого русского, достойного этого имени, есть необходимое требование его исторического призвания» [4, с. 522].

В следующий раз Данилевский рекомендовал России выступать во всеоружии соединенного Славянства. «Пусть только развяжет война путы дипломатического приличия, и мы увидим, как отзовутся славянские народы на искренний, прямой призыв России, который один только и может разом перетянуть на нашу сторону весы в борьбе с враждебными нам силами, к которому, следовательно, мы будем вынуждены самою силой обстоятельств, – призыв, отсутствие которого было главною причиною неудачи Восточной войны, но которого тогда сделать было нельзя (по невозможности сочетания политики либеральной и национальной) до освобождения крестьян» [4, с. 562].

Цымбурский пытался осмыслить «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» – распад Советского Союза, внезапное сжатие России до границ середины XVII века. Цымбурский дает своеобразную кризисную переинтерпретацию этого пространственного коллапса – отпала не коренная часть России, не ядро русской цивилизации, а лимитрофные «проливы», отделяющие «Остров Россия» от Европы и других цивилизационных платформ [31].

*Холмогоров Егор Станиславович, публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники».*

В основе геополитических злоключений России лежит цикл «похищенный Европы» – перерастание борьбы за лимитрофный пояс в борьбу за место и доминирование в Европе, которая не может не кончиться неудачей и сжатием русского пространства, переориентацией русской геополитики на Восток. Одним из таких сжатий, «евразийских интермедий», был как раз период после Крымской войны и русско-турецкой войны 1878 года, на который приходится проповедь Данилевского. «Время горчаковского сосредоточения России и победоносцевской ненависти к Европе; время, когда народники прокламировали “некапиталистический путь”, Достоевский призывал русских найти себе новую судьбу в Азии, а Толстой потрясал православие проповедью своеобразного “буддизированного” христианства» [33, с. 57].

Рецепт Цымбурского – отказ от европейничания, от соотношения себя с европейским и вообще любым глобальным порядком, самоосознание русской цивилизации как «особого самодовлеющего человечества на особой земле» [27, с. 184]. Исход не в пустыни «Евразии», а в тайгу «своего Востока» вплоть до переноса столицы в Новосибирск, а то и восточнее [26, с. 278; 22, с. 286].

В.Л. Цымбурский был талантливым и заинтересованным исследователем истории русской геополитики. Его незаконченным *opus magnum* была диссертация «Морфология российской геополитики», в которую входил, в частности, очерк о Н.Я. Данилевском [30]. Этот очерк полон интереснейших, нешаблонных, в том числе и остро критических, наблюдений, которые отражают не только мысль Данилевского, но и мысль и личность самого Цымбурского. И тем интереснее взглянуть на двух крупнейших русских геополитиков в зеркале друг друга.

### Провал проекта Данилевского

Высшая критика для геополитика – это проверка его соображений политическими событиями. Геополитическая программа Данилевского прошла определенную критическую проверку при его жизни. И, надо честно признать, эту проверку не выдержала. Впервые книга «Россия и Европа» была опубликована в 1869 году. Не прошло и десяти лет, как российская внешняя политика, вдохновленная во многом программой Данилевского, предприняла попытку «взлома» турецкой обороны на Балканах при помощи славянской идеи, смеси славянского национализма и панславистского освободительного империализма. Если нельзя сказать, что в русско-турецкую войну 1877–1878 годов славянские народы «отозвались» на призыв России, то несомненно, что Россия отозвалась на их призыв.

Использование национально-освободительной борьбы подробнее оговорено в книге «Россия и Европа». Данилевский отмечал, что идеи национализма имеют лишь весьма ограниченную пригодность в Западной Европе, где наиболее громко провозглашавшие их государства едва могли ими воспользоваться (и в самом деле – Наполеону III, громче остальных говорившему о правах народов, почти некоего было присоединять к Франции на этом основании; зато Германия, опираясь на этот принцип, отняла у Франции Эльзас-Лотарингию)<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> «Зоркий глаз Наполеона III заметил существенно национальный характер всех стремлений XIX века, и искусная рука его воспользовалась им для своих целей, т.е. для отвращения умов от вопроса социального... Опираясь на политическое равновесие, Франция, конечно, могла бы препятствовать как объединению Италии, так и объединению Германии, сама же, если ничего не приобретала, то ничего и не теряла. Опираясь на принцип национальности, она, правда, приобрела Савойю и может иметь притязание на французскую часть Бельгии и, пожалуй, Швейцарии, но зато должна внутренне сознаться, что приобрела вопреки этому праву Ниццу и так же точно вопреки ему владеет Корсикой» [4, с. 301–302].

Зато для Европы Восточной, для славян под игом Османской Турции и Австрии, принцип национальности является настоящим подарком<sup>1</sup>.

Казалось бы, совместный натиск на Турцию, сочетание национальной борьбы сербов, черногорцев, болгар и румын при России-таране должны были добить «больного человека Европы», а национально-освободительная логика конфликта автоматически обеспечивала дружелюбие или хотя бы нейтралитет большей части Европы.

Результат оказался разочаровывающим. Да, Турция пала и подписала в Сан-Стефано фактическую капитуляцию; да, даже в Англии было сильно движение в поддержку балканских христиан, возглавляемое Уильямом Гладстоном (по иронии истории – случайной ли? – именно в этот момент не являвшимся премьер-министром, каковой пост занимал империалист, ориенталист и просто русофоб Дизраэли-Биконсфилд).

Но вместо панславистского торжества, вместо взятия Константинополя, вместо хотя бы ощущения хорошо сделанной работы и победоносной войны – горечь унижительного поражения. Британии удалось, не издержав ни пушки, ни фунта, не только заставить Россию подписать унижительный Берлинский трактат, рассорить Россию с большинством освобожденных славян, гарантировать неприкосновенность Турции, но и приобрести в свое полное владение такой невероятно притягательный геополитический куш, как Кипр. Россия, воздержавшись от взятия Константинополя, не могла бы ни в каком другом случае даже рассчитывать на приобретение такого трофея, как Кипр.

Николай Яковлевич Данилевский тщательно следил за ходом этой борьбы и вместе с русским обществом горько переживал неудачи и разочарования<sup>2</sup>. «Горе победителям!». Главный геополитический «прием» – прорыв османских укреплений с помощью славянского национализма и панславянского метанационализма – идет именно от Данилевского и проводится славянофилами-панславистами. И тот прием не сработал – точнее, сработал против России. Европа признала ограниченное право Сербии, Черногории и Болгарии на существование как наций, но Россия от этого ничего не получила.

Разочарованный Данилевский переходит, как точно отмечает Цымбурский, на «протоевразийские» позиции. Главной становится не борьба за осуществление славянского дела в Европе, а борьба *против* Британии как сковывающего все усилия России мирового гегемона. Кипрская авантюра Биконсфилда вселяет в него надежду, что Россия сможет «отыграть» свое поражение симметричной аннексией Эрзерума и начать с этого приобретения великий восточный поход против Индии<sup>3</sup>. Но Данилевский не учел поведен-

<sup>1</sup> «Европа, и именно Франция, провозглашает принцип национальности, который не только не имеет большого значения, но даже вреден для нее, и тем отплачивает России и славянству, играя по отношению к ним также служебную роль и воображая, что действует сообразно с своими собственными интересами» [4, с. 306].

<sup>2</sup> См. статьи «Война за Болгарию» и «Горе победителям!» [3].

<sup>3</sup> «Безумный, по выражению Гладстона, поступок Англии заключает в себе прямое и дерзкое оскорбление России, на которое первый министр ее мог решиться только в полноте гордыни своего торжества... После этого, конечно, и мы, не нарушая постановлений конгресса, были бы в праве сказать: "...Чтобы оградить себя от враждебного влияния Англии в Константинополе, которое, каждую минуту, может открыть ей ворота в Черное море; чтобы предупредить замыслы, которые она может иметь против нашего Закавказья, мы должны были бы заявить, что мы оставляем за собою проходы через Балканы, чтобы и с своей стороны иметь средства влиять на Турцию, что мы не возвращаем Баязета и Алашкертской долины; что мы остаемся в Эрзеруме, чтобы, в случае нужды, пресечь ту железнодорожную линию, которая должна идти вдоль долины Евфрата; что мы укрепим Батум. Англия объявила, что будет владеть Кипром до тех пор, покуда мы оставляем за собою то, что ей угодно называть нашими завоеваниями в Малой Азии; мы

ческих стратегий российской власти: начав проигрывать, она первым делом сбрасывает все козыри.

Если еще недавно Данилевский отворачивался от Востока с насмешкой и скептицизмом, то теперь перерезать артерию между Британией и Индией, сделать для Британии бессмысленной борьбу за Константинополь становится геополитическим приоритетом № 1<sup>1</sup>.

И снова русская геополитика в целом последовала интуициям Данилевского, обладавшего удивительным даром предвидения будущих политических форм, – достаточно вспомнить, что грядущий русско-французский союз он именует «сердечным соглашением», *антантой*<sup>2</sup>, удивительно точно прогнозирует судьбу Австрии, а Варшавский договор кажется сконструированным с «Россией и Европой» в руках. Начинается борьба за дальние подступы к Индии, «большая игра», «великая борьба Континентов», которая найдет отражение в геополитике Маккиндера и ее вариациях.

Россия пытается применить двухсторонний геополитический охват и становится, по выражению В.П. Семенова Тянь-Шанского, системой «от моря до моря» [18]. Русский медведь начинает осваиваться в Центральной Азии, тянутся ветки Транссиба и КВЖД, затевается «Желтороссия», экспедиции одна за другой отправляются в Сынцзян, Амдо и Кам, русские артиллеристы расстреливают в 1901 году ворота Маньчжурского Города в Пекине, налажены активные дипломатические контакты с Тибетом, в 1914 году в состав России входит Урянхайский край (Тува). Последние затухающие колебания этих усилий относятся уже к большевистскому периоду – стремлению возбудить посредством Коминтерна борьбу угнетенных народов и странноватым экспериментам в Тибете и Индии превратившегося в чекиста Николая Рериха.

Но и эта борьба во многом обесмысливается на своем пике драматическим «хуком справа» – русско-японской войной и доведением России на Тихоокеанском геополитическом театре до ничтожества. Событие, безусловно, прогнозируемое. Япония вполне осознанно оставляется вне зоны западной колониальной экспансии, вместо колонизации европейские державы стимулируют ее подъем и военное укрепление именно в качестве замка на тихоокеанских воротах России. Англия руками своей союзницы Японии, по сути, так же обесмысливает Восточный проект России, как ранее обесмыслила Константинопольский.

Невозможно не отметить параллелизма с другим геополитическим поражением – глобальной коммунистической экспансии СССР в третьем мире, потерпевшей крах на Дальнем Востоке. Китай оказался таким же замком, навешенным на этот новый глобальный проект. «Восточничество» оказалось не менее проблематичной геополитической парадигмой, чем западничество и панславизм. Прорыв глобального геополитического «кольца Анаконды» через исход к Востоку был столь же unsuccessfulным, как и похищение Европы или геополитическая осада Константинополя.

должны были бы объявить, что сохраним Балканские проходы, Баязет с Алашкертской долиной, Эрзерум и батумские укрепления, до тех пор, пока Англия не возвратит Кипра и не откажется от своей системы недоверия и оскорбительной подозрительности, выразившейся в присвоении ею протектората над Малою Азией» [3, с. 273].

<sup>1</sup> «Как реалист-геостратег Данилевский кончил жизнь типичным “протоевразийским мыслителем”, рвущимся на Босфор через Колхиду и Калькутту и склоняющимся к мысли, что собирание славянства как-то проистечет из парализующего Англию контроля нашей Империи над платформами Азии» [30, ч. II].

<sup>2</sup> «Как внутри, так и вне России и Франции замешано слишком много интересов, заботящихся не допускать их до сердечного соглашения» [5, с. 47]. Статья написана в 1871 году!

### Островной переворот

Ответом на этот опыт неудач и была попытка Цымбурского совершить «коперникианский переворот» в геополитике (точнее, я бы сказал, напротив – птолемеевский, геоцентрический поворот). А что если вырваться из геополитического капкана не удастся потому, что это никакой не капкан и выход из него невозможен? Каждая цивилизация имеет собственную геополитическую платформу. Цивилизации мыслятся Цымбурским как геологические литосферные плиты, а разделяющие их лимитрофные пространства как складчатости<sup>1</sup>.

При такой смене системы координат интервенции России в чужие пространства представляются ненужным и безнадёжным делом, лишь отвлекающим от внутренней колонизации. Жить на острове одним, никем не тревожимыми, – вот всё, что нужно. Разве не это русский геополитический архетип, заложенный с образа «Острова Русов» в арабских текстах IX–X веков и продолженный в образе Града Китежа, уходящего в случае геополитического кризиса – татарского нашествия – на дно озера Светлояр? [32]. России следует заняться самоосвоением, уйти даже не на Восток, а на Северо-Восток, перенести столицу в свой геополитический центр – куда-нибудь в Новосибирск, а то и подальше. Работы по закреплению и освоению этого пространства хватит на сотни лет.

Однако этот проект требовал одного допущения – приходилось предположить, что никакой серьёзной внешней угрозы для России, занятой своими делами, не существует, что западная экспансия является лишь ответом на вторжения России в европейские пространства, что геополитические платформы цивилизаций относительно неподвижны и расширяются только за счет пустот на своем геополитическом «острове».

Простое историческое наблюдение ставит это допущение под большой вопрос. Глобальной цивилизации – Западу – в ее англосаксонском модуле удалось нарастить свою первоначальную платформу вдесятеро, заняв большую часть Северной Америки, Австралию и Новую Зеландию, оторвав от «конфуцианской» цивилизационной платформы боевого сателлита в виде Японии. Не случайно, когда на современных картах «Россия в кольце санкций» пытаются показать мир, не введший санкции против России, то всё равно, мы внушительно охвачены со всех четырех океанов: США и ЕС на Атлантическом, Канада на Арктическом (позволю себе более адекватное, на мой взгляд, именование Северного Ледовитого океана), США, Япония, Австралия и Новая Зеландия на Тихом, Австралия на Индийском.

В то время как остальные цивилизации сидят, как кулики, на болотах своих геополитических платформ и либо приливают, либо отливают в свои лимитрофы, одна цивилизация агрессивно расширяется на все минимально поддающиеся экспансии пространства и во все среды – океанскую, воздушную, космическую. Концепция локальных цивилизаций, непроницаемых цивилизационных монад, оказывается, тем самым, системой ограничений для тех, кто не должен мешать экспансии одной цивилизации, сочетающей свойства локальности и глобальности. В такой перспективе оценка чрезмерного экспансионизма России приобретет совершенно иной характер.

Представить себе мир, в котором не расширяется Россия, в котором не пытались создать свои сферы влияния Германия и Япония, не пытается отстро-

<sup>1</sup> Возможно ли успешное проникновение одной цивилизации в глубь геополитической платформы другой цивилизации? По общей логике Цымбурского – скорее нет. Но сам мыслитель такую интерпретацию своей позиции категорически отрицал. См. язвительную рецензию «Китай до Урала – цена русского европеизма» [28].



ить свой запоздавший на полтысячелетия имперский мемориал памяти флотоводца Чжэн Хэ Китай, не колеблется, представляя собой зону нестабильности и угрозы, арабский мир, – это значит представить себе мир, в котором англосаксонская экспансия практически не имеет не то что реального предела, но хотя бы горизонта.

Другой случай экспансии Запада за пределы своей цивилизационной платформы – глобальная империя Испании – в каком-то смысле обнулится. Спустя пять столетий после Колумба латиноамериканский мир кажется скорее продолжением европеизированных индейских империй, чем частью испано-португальского и тем более европейского мира. Никакой евроатлантической солидарностью там и не пахнет. Цымбурский вообще полагал Латинскую Америку зоной становления «вудуистской» сакральной (если тут уместно это слово) вертикали [34, с. 149–152].

Однако это различие исчерпывающе разъяснено Ниалом Фергюсоном, одним из ведущих американских ястребов англосаксонского мира. Латинская Америка отстраивалась как совместный в антропологическом плане проект, где свое место было предоставлено и испанцу, и индейцу, и африканцу. Североамериканский же проект (и причина его успеха, как прозрачно, рискуя навлечь обвинения в расизме, намекает Фергюсон) строился на геноциде и сегрегации, на полной замене населения и создании нового мира белыми и для белых [19]<sup>1</sup>. Этому не противоречит американское равноправие и создание свободного от сегрегации и даже гиперполиткорректного общества. Афроамериканцы в социокультурном отношении – один из феноменов той же белой, западной цивилизации, оторванные от каких-либо исторических корней, от первоначальной культуры Африки и еще более чуждые Америке, чем белые поселенцы.

Как справедливо отмечает Цымбурский, русская цивилизация – одна из самых малочисленных цивилизаций планеты<sup>2</sup>. Если взять плотность населения на квадратный километр национальной территории, то самая малочисленная.

<sup>1</sup> Разумеется, в современных США книга немаргинального автора с апологией расовой сегрегации невозможна. Фергюсон высказывает свои тезисы, прибегая к «фактописи»: он постулирует отставание Латинской Америки от США, дает сочашиеся ядом характеристики Боливара и Чавеса, а затем показывает соотношение расового смешения в Латинской Америке с сегрегацией в США. После чего формулирует напрашивающийся у читателя вывод через его отрицание: «И всё же думать, будто своим успехом США обязаны сегрегации, глупо. Неверно, как Уоллес, считать, будто США наслаждаются покоем и достатком (в отличие от Венесуэлы и Бразилии) благодаря запрету смешанных браков и целому ряду других межрасовых барьеров...» [19, с. 196]. Автор восхваляет торжество демократии над сегрегацией: «Нынешний президент США – человек, рожденный белой матерью от чернокожего отца (во времена Боливара его называли бы *каста*). Даже на выборах в Виргинии он обошел прославленного ветерана войны шотландско-ирландского происхождения. Это казалось фантастикой еще 30 лет назад» [19, с. 196–197]. Иронию можно и не заметить, если не знать, что Фергюсон – многолетний ближайший советник проигравшего ветерана, сенатора-ястреба Джона Маккейна.

<sup>2</sup> «Ее, взявшую под контроль колоссальные площади евро-азиатского Севера, отличало очень небольшое популяционное ядро. Привыкшие превозноситься как “великая страна” и “великий народ” русские не желают реалистически на себя взглянуть как на крайне малочисленную цивилизацию. Те или иные страны раздробленной политически Европы могли трепетать перед суммарными размерами русской армии. Но если сравнивать людской потенциал России, исходя из задач, создаваемых ее геополитическим положением, не с населением отдельных европейских государств, но с численностью современных ей цивилизаций – евро-атлантической, средневосточной, китайской, индийской, Россия окажется среди них самой малолюдной» [27, с. 190].

Еще в XVII веке, в годы Смутного времени, английскому королю Якову I представлялись проекты завоевания Архангельска<sup>1</sup>. В годы другой гражданской войны в России англосаксонский мир обозначил себя на русском Севере – в Мурманске и Архангельске и на Дальнем Востоке – во Владивостоке. Всюду, куда можно дотянуться по морским коммуникациям, отсутствие внутреннего препятствия означает распространение англосаксонского влияния. Неслучайно поздний Маккиндер уделял такое внимание *Lenaland*, считая ее зоной не теллуократии, но талассократии, лишь временно и незаконно контролируемых державой Хартленда – Россией.

Едва ты соглашаешься окопаться на своей платформе и не казать с нее носа, едва понадеешься отсидеться на острове, как эта платформа начинает расщепляться, остров оказывается льдиной на солнце и крошится прямо под твоими ногами.

### Сибирская защита

Экспансии можно противопоставить только свою экспансию, зачастую – опережающую. Территория России, в том числе и нынешняя, – это пространство русской экспансии (или вытеснения русских, если геополитический вектор разворачивается от наступления к обороне). В XVI–XVII веках Россия с легкостью раздвинула пределы своего мира, пользуясь теми же инструментами, что и Испания с Англией, – преимуществом водного пути над сухопутным и огнестрельного оружия над холодным.

Русская модификация этой технологии экспансии была минимальной, но сверхэффективной. Вместо морей и океанов русские двигались по рекам, получая опережение в темпе над степняками и тем более над первобытными охотниками. Ключевые точки рек запирали острогами, которые обороняли с помощью пушек и пищалей. До столкновения у Албазинского острога с мощной по меркам XVII века Маньчжурской империей Россия и в самом деле не встречала на своем пути в Сибирь соперника-цивилизацию.

Но главное – русские рано начали аграрную крестьянскую колонизацию Сибири, перенесли в нее не только и не столько системы политического управления, сколько аграрный базис<sup>2</sup>. Если бы в Сибирь не пришел русский хлебопашец, который стал сеять в ее сравнительно экстремальных условиях привычную русским рожь, то ни о каком прирастании России Сибирью говорить бы не пришлось.

<sup>1</sup> Яков I «был увлечен планом послать армию в Россию, чтобы управлять ею через своего уполномоченного (*deputy*)» [17, с. 61].

<sup>2</sup> В уникальном по охвату материала классическом исследовании В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня» сказано прямо: «Основу экономического развития Сибири того времени составляет сельскохозяйственное освоение ее пространств. Не поиски пушнины, не разведки серебряных жил и золотых россыпей, не промысловая, торговая или промышленная колонизация Сибири, а сельскохозяйственное освоение ее является стержнем экономического развития Сибири. Оно закрепило победу казаков, заставило местные народы сложить оружие, воспринять земледельческую культуру русского крестьянства и навсегда сделало сибирские пространства неотъемлемой частью России. Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне. Именно они быстро и навсегда решили вопрос – быть ли Сибири китайской, японской, английской или русской. Внутри дорусской Сибири не было сил, способных объединить ее разноплеменное население в самостоятельное целое. Местные народы неизбежно должны были соединить свою судьбу с судьбами большого народа. Таким народом по праву явился русский народ. А так как в те времена подлинной сердцевиной его были крестьяне, то естественно, что крестьянство оказалось главным фактором превращения Сибири в русский край, а по составу населения даже более русский, чем были некоторые доуральские и приволжские области» [35, с. 3–4].

Здесь, пожалуй, кроется еще одно различие испанского и русско-англосаксонского типа расширения цивилизационной платформы. Испанцы не смогли перенести на новую почву испанского крестьянина – экономьенды, латифундии, были совершенно не похожи на условия испанского крестьянского хозяйства. Напротив, англосаксам, хотя и с поправками, удалось перенести один из типов средневекового британского хозяйствования – йоменское хозяйство, вытесняемое как раз в XVIII веке из самой Англии, – на почву Америки в качестве хозяйства фермерского. И один из важных цивилизационных смыслов столкновения Севера и Юга в Гражданской войне в США – это столкновение двух аграрных путей: фундаментально европейского и колониального. Если бы Север в той войне проиграл, то скорее всего США перестали бы быть частью Западной цивилизационной платформы, трансформировавшись в отдельный цивилизационный феномен (возможно, кстати, начав сплачивать вокруг себя другие южноамериканские пространства).

Интересно, что Цымбурский заимствовал у теоретика сибирского областничества Г.Н. Потанина прямо противоположный взгляд на сибирский хозяйственный тип. Он ему представлялся отличным от социального и хозяйственного строя основной России: «отсутствие дворянства, оторванность от великорусских традиций, индивидуализм в сельском мире, распыление земельной общины» [31, с. 16].

Однако Потанин попросту закрыл глаза на то, что северорусские крестьяне несли с собой в Сибирь не иной, а тот самый хозяйственный строй, что утвердился на русском Севере и отчасти на юге в зоне Дикого поля, в среде государственного крестьянства. До петровской ревизии дворянское крепостничество было основополагающим фактом аграрного строя только центральных областей русского государства. А вот государственное крепостничество в не меньшей степени было характерно и для Сибири, где основной повинностью была обработка «государевой десятинной пашни» в соответствии с нормами «сулешевского оклада»<sup>1</sup>.

Что же до отсутствия в Сибири земельной общины, то считать это «прогрессивной» чертой можно было только по исторической наивности. Отсутствие земельной общины и ее влияния на земельные отношения приводило, как справедливо отмечал В.Н. Шерстобоев, к полной незащитности крестьянина перед воеводой – единственной инстанцией, управлявшей землепользованием<sup>2</sup>.

Банкротство риторической стратегии «Сибирь – колония России» заложено именно в полном распространении на Сибирь «материкового» хозяйственно-культурного базиса, дополненного в XX веке базисом второго порядка – индустриальным. Взятая казаками со стругов, ясачно-пушная Сибирь уже со второй половины XVII века – интегральная часть русской цивилизационной платформы за счет этнического состава населения, своего северорусского аграрного типа и своего «урало-донбасского» индустриального типа.

Но считать это расширение чем-то само собой разумеющимся, чем-то априорно заложенным в конструкции евразийской геополитической платформы, конечно, невозможно. Когда Цымбурский предлагал свой проект «заураль-

<sup>1</sup> «Русский крестьянин, перевалив за Урал, в конце концов находил в западно-сибирской слободе обстановку, очень близкую условиям крепостной деревни центра» [36, с. 209].

<sup>2</sup> «Мир не вмешивался в земельные споры, и никто из тяжущихся не искал в общине путей решения споров с соседом. Все нити тянулись к воеводе... Принцип личных поземельных прав проводился в отношении крестьян настолько последовательно, что даже ближайшие родственники главы двора не наследовали их. В случае смерти главы семьи сыновьям или другим наследникам необходимо было оформить право владения землей посредством челобитья воеводе...» [35, с. 462].



ского Петербурга», он прекрасно отдавал себе отчет, что речь идет не о стабилизации в центре русской платформы, а об агрессивном экспансионистском проекте, выносе политического центра далеко за пределы первоначального русского ядра [26].

За оптимизмом «своего Востока» у Цымбурского скрывается глубинный страх, который в 1990-х годах пронизывал душу каждого любящего Россию и который вновь возвращается сейчас с повышением геополитической турбулентности. Это страх отторжения Сибири, перенаречения ее «колонией» (любимая тема современных западных и созвучных с ними здешних специалистов по России) и последующей «деколонизации».

Обратим внимание на полемическую настойчивость Цымбурского в заочном споре с Потаниным: «Россия возникает в полноте необходимых и достаточных геополитических характеристик не при Рюрике и не при Иване Калите, а в течение XVI в., и последней среди этих характеристик стал выход русских в земли Заволжья и Зауралья. Россия не присоединяла Сибири – она *создалась Сибирью*» [31, с. 25].

По большому счету, Цымбурский маскирует под изоляционизм жестко экспансионистский проект, преемствующий «Письму вождям» Солженицына (это идейное преемство неоднократно им подчеркивалось) [22, с. 475]. Утвердить Сибирь за собой, за пространством русской цивилизации, сделать неотторжимой «платформенной» частью то, что могут попытаться оспорить и отторгнуть. Ради этого направления экспансии, самого легкого, поскольку совершается она уже по внутривнутриполитическим линиям, в пределах своих границ, пожертвовать отдаленными геополитическими утопиями в глобальном мире, где мы слабее и зависимы от мнимых союзников и коварных врагов.

### Остров утопии

Этот код «естественности» русской экспансии, ее мнимой предопределенности конфигурацией геополитической платформы не так безобиден, как кажется. Ради создания иллюзии мнимой бесконфликтности «своего Востока», комфортности его освоения Цымбурскому приходится фактически забыть все драматические перипетии реальной тысячелетней борьбы за него, так ярко показанной М.К. Любавским в его «Очерках по истории русской колонизации».

Этот уход Цымбурского в понимании «своего Востока» от терминологии борьбы и покорения может иметь парадоксальное следствие. Столкнувшись с сопротивлением, мы можем решить, что там, где начинается сопротивление, там кончается для русских зона *своего*, начинается либо лимитрофное, либо чужое пространство, из которого в той же логике, которая вызывает островной проект, лучше отступить. Россия, таким образом, превращается в сыр, покрытый дырками, с увеличением вероятности событий, ведущих к коллапсу.

Сам для себя, на своем внутреннем языке, который не раз с полной откровенностью излагал собеседникам, Вадим Леонидович решал эту проблему «по-американски». Никаких внутренних этических ограничений для цивилизации при расчистке территории на своем острове он не видел<sup>1</sup>. Но это был язык далекого от политических рычагов геополитика, которого реальный политик себе позволить не может (по крайней мере при текущих константах мироустройства).

<sup>1</sup> «Русские в ту пору так же, как позднее шедшие на запад северо-американские колонисты, брали “ничейное”, заполняя собою свой “остров”. Факты аннексии туземных “этно-экоценозов” сходны с индейской проблемой в Северной Америке – дело между русскими и соответствующими этносами того же “острова”, а не между Россией и другими платформами» [31, с. 12].

Кстати, этот взгляд также во многом перекликается с воззрениями Данилевского, которые Цымбурский резюмирует так: «Народы – этнографический материал», который ассимилируется со строителями культурно-исторических типов и увеличивает плодотворное разнообразие последних. Народы, не достигшие государственной фазы, не должны проявлять претензии “на политическую самостоятельность, ибо, не имея ее в сознании, они и потребности в ней не чувствуют и даже чувствовать не могут”». При этом Цымбурский критически замечает: «О праве народов “этнографической фазы” на свою культуру, о праве их не становиться для кого-либо строительным “материалом” Данилевский вообще не задумывается: о каком бы то ни было праве он начинает трактовать с момента обретения народом политической воли и силы» [30, ч. I]. Но тот же самый упрек может быть адресован и ему самому!

Однако как быть с тем, что времена имеют свойство меняться? Тот, кто еще вчера служил этнографическим материалом, сегодня втягивается в орбиту конструирования нации, национального строительства, становясь порой вооруженным и очень опасным – rebel, а то и freedom fighter. С народами русского Острова в XX веке прямо на глазах Цымбурского произошла удивительная метаморфоза. Сперва им искусственно навязывались свой письменный язык, своя государственность в рамках ленинской национальной политики, и вот уже они входят в ее вкус.

Главная предпосылка Цымбурского и (на мой взгляд) его главная ошибка вновь роднит его с Данилевским, Шпенглером, Гумилевым и многими другими. Это попытка приписать истории *органический* характер, выделить некие *естественные* пространства, естественные ареалы обитания популяций («популяция», «этнос» – тоже часть инструментария, унаследованная именно от Гумилева)<sup>1</sup>. Это код секулярной мысли XIX–XX столетий, когда «естественное» означает «вечное», «оправданное», точнее – не нуждающееся в оправдании. Всё, что построено или завоевано, что может быть результатом исторического процесса, то может быть отыграно назад, а вот против природы не попрешь.

Динамическую, требующую для своего поддержания напряженных военных усилий пограничную систему Цымбурский перекодирует через метафору в геологическую данность: «остров», «проливы», «платформы», «приливы». Этот геологизм как бы освобождает человеческую волю и от ответственности, и от ошибки. Геополитическая катастрофа 1991 года происходила на глазах Цымбурского в пространстве решений и их отсутствия, в пространстве зловолия и безволия. И он пытается так перекодировать русскую геополитику, чтобы от решений в ней зависело как можно меньше, чтобы эти решения представлялись однозначно заданными цивилизационными доминантами, а те, в свою очередь, вытекали из природных реальностей.

Между тем отказ от напряженной политической, военной и культурной борьбы, от понимания судьбы цивилизации как динамического расширения своего ареала, «намывания» своего острова – всё это увеличивает, а не уменьшает геополитические риски России. Уменьшая ценность исторически осуществленного, отказываясь от понимания исторического как неотменимого именно потому, что оно уже содеяно в истории, мы подвергаем себя риску культурной перекодировки природного ландшафта, как это сделал тот же Маккиндер с Lenaland.

<sup>1</sup> Зависимость Цымбурского от аппарата и базовых мифологем Л.Н. Гумилева – чрезвычайно интересная тема. Тем более интересная, что, будучи оппонентом евразийства, Цымбурский старается минимизировать вещественные следы этого влияния в виде ссылок и прямых упоминаний, создавая ощущение «естественности» своего словоупотребления, или таких мыслительных ходов, как расчленение Древней Руси и новой России, создающейся именно через экспансию в Евразии.



К примеру, евразийская теория борьбы Леса и Степи оставляет за русскими только область леса, а значит господство русского этноса во всем степном ареале, которое с таким трудом столетиями отвоевывалось Россией, предстает как противоестественное. Степь может быть переосмыслена как отдельная геополитическая реальность (направление, в котором движется мысль Гумилева), и вот уже степная Россия предстает перед нами как нечто геополитически незаконное. А потом Лес, родной русский Лес, может быть переосмыслен как месторазвитие финно-угорских народов. И вот уже русское присутствие в лесном ареале предстает как вторжение. И после ряда перекодировок от громадного русского острова остается уже пятачок на мысу, где русскому едва есть где поставить один лапоть.

У автора этих строк есть собственная любимая естественно-географическая теория, связанная с центральным значением рек в русской этнической картине мира. Первичная адаптация русского этноса – это адаптация к речному, пойменному ландшафту. Русский этнос возник как синтез славянства с его адаптацией к рекам и озерам и викингов с их дерзкой способностью к стратегическому мореплаванию. Уникальная способность русских к стратегическому рекоплаванию позволила превратить всю Северную Евразию в геополитическую арфу, на реках и волоках которой сыграна мелодия русской колонизации. Но не дай Бог здесь впасть в соблазн редуционизма и свести русское пространство к рекам. Хотя бы потому, что значение речного фактора падает с развитием железных дорог, которые создают совсем иные геополитические конфигурации.

Геополитика есть не следование истории за географией, а преодоление историей географии. Если надо – и исправление географии историей. Примером такого исправления служит деятельность Г.И. Невельского, практически в одиночку перерисовавшего карту русского Дальнего Востока, обнаружившего проходимость Амурского лимана, островной характер Сахалина, «отредактировавшего» направление разделявших Россию и империю Цин, согласно Нерчинскому договору, хребтов. Чтение воспоминаний Невельского свидетельствует о безусловном триумфе воли, первенствующей и над когнитивной косностью тогдашней географии, и над вязким сопротивлением имперской бюрократии, и над обычным российским управленческим хаосом, и над самой трудностью удаленных пространств [15]. Мы видим, как новый мир русского Приморья буквально вырастает из воли одного человека.

До тех пор пока русский остров мыслится как пространство вод и камней, до тех пор ему грозит разрушение и раскол. Его прочность будет гарантирована, только если мы переосмыслим его как пространство исторических деяний, как пространство, освоенное и скрепленное русской историей, в которой, разумеется, есть место не только сотрудничеству и дружбе, но и завоеваниям, и установлению иерархии отношений.

Именно историческое деяние в конечном счете, а не географическая или геополитическая предопределенность, и создает Россию в коротком, но поэтичном резюме самого Цымбурского: «Уничтожение Орды и ее обломков, движение русских к Уралу и дальше к Тихому океану, сделавшее их “особым человечеством на особой земле” в окружении “мирового басурманства”. Опираясь на свою лесную и лесостепную ландшафтную нишу, русские взорвали старую внутриконтинентальную Евразию кочевников, огромную и зыбкую периферию всех цивилизаций, ни к одной из них не принадлежавшую, но всем грозящую. От этой Евразии остались окаймивший Россию Великий Лимитроф да тюркомонгольские анклавов внутри воздвигшейся русской платформы, так же напоминающие о древнем состоянии этой земли, как баски или кельты в романогерманской Европе» [27, с. 189].

Природа может быть преобразована. Отменить историю может только другая историческая сила, и только преодолев нашу историческую силу. «А там посмотрим, что прочней».

### До середины Днепра

««Проливная» теория Цымбурского имеет один странный пробел-оговорку, на который редко обращают внимание при ее анализе. Вопреки возникающему впечатлению об одинаковой безразличности контроля за любыми участками Лимитрофа для судьбы Русского Острова – это Левобережная Украина, Новороссия.

«Представим, в порядке контрфактического моделирования, что в середине XVII в. Россия, прикрывшись от Польши, Крыма и Турции мягким сюзеренитетом над Левобережной Украиной, отвоевав выход в Балтику и Азов, а также приняв под свою руку часть племен Кавказа, в дальнейшем перешла бы на западе к обороне и торговле, а основную силу бросила бы на освоение Сибири и тихоокеанского Приморья – того самого, которое стало в нашей топонимике Приморьем с большой буквы и без уточнений в отличие от наших “окон” в приатлантические бассейны. Разве сильно отличалась бы своими контурами страна, возникшая таким путем, от РФ, которую мы имеем?» [31, с. 7].

Предлагая в «Острове России» этот знаменитый мысленный эксперимент, Цымбурский как бы обходит тот факт, что ни в 1993 году, ни тем более двадцать лет спустя никаким «мягким сюзеренитетом» над Левобережной Украиной Российская Федерация не обладала. А возникновение этой темы в пространстве реальной политики в 2013–2014 годах – вызвало глобальный кризис, еще раз напомнив нам, что вопреки точке зрения Цымбурского кризисы взаимоотношений России и Европы диктовались не агрессивными попытками похищения Европы, а нежеланием Европы признать за Россией право держать в руках «ключи от своего дома» – причем уже не на Босфоре, а на Борисфене.

Между тем, контроль за Левобережьем – это в геополитических уравнениях самого Цымбурского условие, невыполнение которого приводит Россию к геополитическому нулю. «Границ, за которыми могла бы кончиться российская геополитическая идентичность, три: это полное срастание России с одной из соседних этноцивилизационных платформ, либо исчерпывающий охват “территорий-проливов”, включая Левобережную Украину, коренной Европой, либо, наконец, раздробление российской платформы и появление вместо той ее части, которая приходится на трудные пространства, нового государственного образования» [31, с. 25]

Так или иначе, Цымбурский понимает ключевое значение этого региона для всей его конструкции «России, обращенной в XVII век». Без дружественного и в той или иной форме контролируемого Левобережья никакая «изоляционистская» Россия существовать не может. Здесь наша «смерть кощеева», и в тот день, когда враждебная сила закрепится восточнее Днепра, геополитическая история России рискует прервать течение свое.

### Потерянный Царьград

Парадокс мысли Данилевского заключался в том, что, призывая Россию к поднятию всеславянского знамени, к борьбе за Константинополь и Проливы как к великому историческому деянию, Данилевский в то же время категорически отрицает возможность превращения Царьграда в столицу Империи или хотя бы в город под полным суверенитетом России. Такое развитие событий оказывается опасным для самой России.



«В 1860-х, – отмечает Цымбурский, – у русских авторов прорезается тревога перед включением в геополитическое поле России в качестве цивилизационного и политического центра – нерусского города, лежащего вне исторического пространства России, хотя и бывшего в веках объектом экстраверсии. Еще в 1867 г. Погодин, ссылаясь на некоего генерала, заговорил насчет скверных последствий для России от Константинополя, который способен оттянуть ее силы, и выдвинул тему проливов как внешнего доступа к России. О том же следом твердит и Данилевский: “Столица, лежащая не только не в центре, но даже вне территории государства, не может не произвести замешательства в отправлениях государственной и народной жизни, не произвести уродства неправильным отклонением жизненных, физических и духовных соков в политическом организме”. Константинополь грозит произвести тот же эффект, что и Петербург, но в размерах неизмеримо больших; превратить страну в придаток выдвинутого за ее пределы города, отсасывающего из России “нравственные, умственные и материальные силы”. Отсюда вывод, что “Константинополь не должен быть столицей России, не должен сосредоточивать в себе ее народной и государственной жизни – и, следовательно, не должен и входить в непосредственный состав Русского государства”» [30, ч. II].

Ту же Царьградобию отмечает Цымбурский и у Достоевского:

«Достоевский договаривается и до того, что “завоевание Константинополя теперь (сентябрь 1876 г. – *В.Ц.*) было бы более губительно, чем полезно. ... Великорус может согласиться лишь на первенство, но греки как теперь немцы. ... И тогда ... уже не великорус будет первенствовать и вести, а дело православия, ибо славян, греков и великорусов (поразительный ряд, где великорусы противопоставляются одновременно грекам и славянам. – *В.Ц.*) могла бы связать в целом лишь весьма сильная идея, а только православие нет. И великорус, может быть, обособился бы, отъединился”. Иначе говоря, Константинополь как столица породил бы кризис в отношениях между панправославной имперской идеей и геокультурной идентичностью русских и Россией, кризис, который бы разрушил православие и “всемирное” самосознание русских, отвратил бы их от их “призвания” и толкнул к самоизоляции от южных центров православия. Единственным возможным решением, по Достоевскому, может быть Константинополь – нейтральный город под исключительным покровительством России – метрополии православия, обретший статус ее окраинного владения» [23].

Напомню, что для Данилевского «народность не есть только право, но и обязанность. Один народ не только может, но должен составлять одно государство» [4, с. 304]. А это значит, что не существует никакого национального обязательства, чтобы Константинополь был русским. То, что русский князь, как рассказывает летопись, прибывал щит к воротам Царьграда, или то, что геополитические Проливы являются для России ключами от своего дома, еще не составляет того национального политического обязательства, которое является краеугольным камнем современной политики, которая есть политика национальностей и национальных суверенитетов.

Именно об это политологическое двуязычие и разбилось русское притязание на Константинополь и в 1853, и в 1878 годах. Данилевский проводил параллель между захватническими войнами Бисмарка, не встречавшими в Европе ни малейшего отторжения и протеста, и немедленным сплочением Европы против России в ее освободительно-империалистических войнах на стыке Европы и Азии. В отказе Европы признавать равенство этих прецедентов Данилевский видел свидетельство ее несправедливости и враждебности России. «Меряние разными мерами и вешание разными весами» [4, с. 32].

Повесть о Шлезвиг-Гольштейне и повесть о Царьграде были написаны на двух разных политических языках. В Шлезвиге жили немцы, и Пруссия как защит-



ник немецкого национального начала имела полное право на интервенцию и национальное освобождение этих земель из-под власти Дании. В Константинополе никакие русские не жили. Там жили чуждые русским турки, единоверные, но не единоплеменные греки и единоверные и единоплеменные, но не однонациональные, а главное, не составляющие большинства болгары. Другими словами, та простая и понятная логика национальной ирреденты, которая обосновывала с той или иной долей натяжки любые мероприятия Бисмарка, не говоря уж о походах Паскевича, ни для подвигов Гарибальди, совершенно не годилась ни для походов Паскевича, ни для подвигов Гурко и Скобелева, ни тем более для русской Константинопольской мечты.

Но представьте себе немецкого геополитика или писателя, который рассуждает, что Шлезвиг-Гольштейн представляет собой угрозу для германского начала, а потому должен быть нейтрализован или оставлен во владении Дании. Представим себе такое рассуждение относительно Баварии, Эльзаса-Лотарингии, да даже и опасной для Германии Вены? Бисмарковская Германия воссоединяла *свои* пространства, ни секунды не колеблясь в сознании их принадлежности.

В лучшем случае (что ограничено сработало в 1877–1878 годах) принцип национальности предоставлял России право освободить болгар, сербов, черногорцев и учредить для них национальные государства. Но вывести из национальной логики право на Царьград было абсолютно невозможно. Лишенная каких-либо культурных и религиозных основ геополитическая характеристика Данилевским Царьграда лучше всех слов со стороны воображаемого европейского оппонента обосновывала невозможность взятия Россией Константинополя на том же основании, на котором Бисмарк взял Шлезвиг.

Вот если бы Бисмарк захватил Париж или Вену на основании величия и удобства этих городов, то очень быстро бы он объединил против себя всю Европу, включая и Россию. В этом случае то самое европейское равновесие, так раздражавшее Данилевского, обрушилось бы на Германию со всей своей мощью. Как, собственно, и произошло с одним из преемников Бисмарка на посту рейхсканцлера.

Совокупность политических аксиом Данилевского пришла в противоречие с его национал-ирредентистской постановкой вопроса. Европа была против занятия Россией Константинополя не потому, что не признавала за Россией прав, которые признавала за Германией, а потому, что не видела у России национальных прав на Константинополь, аналогичных правам Пруссии на Шлезвиг-Гольштейн. И совершенно резонно не видела. У Данилевского, к примеру, они не только не предъявлены, но он и квалифицирует Константинополь как *res nullis* – ничью вещь, право на обладание которой Россией связано не с национальностью, а исключительно с полезностью ее для России и с желанием: это мое, потому что я хочу, чтобы это было моим [4, с. 438–474]. Это построение Данилевского нельзя не признать политической софистикой.

### **Возвращенный Царьград**

Цымбурский констатирует отказ Данилевского от религиозной или культурологической постановки вопроса о Константинополе, переход в плоскость *realpolitik*, разделение вопроса о Городе и вопроса о Проливах, объясняя ее «глубокой психологической секуляризованностью» автора «России и Европы» [30, ч. II].

Впрочем, Данилевский делает оговорку в тютчевском духе, которая, однако, и впрямь звучит несколько натянуто: «В более же широком и высоком историческом смысле он должен принадлежать тому, кто продолжает воплощать в себе ту идею, осуществлением которой служила некогда Восточная Римская империя. Как противовес Западу, как зародыш и центр особой культурно-исторической



сферы Константинополь должен принадлежать тем, которые призваны продолжать дело Филиппа и Константина, дело, сознательно поднятое на плеча Иоаннами, Петром и Екатериною» [4, с. 447]. Петр и Екатерина как продолжатели Восточной Римской Империи в противостоянии Западу – это снова изощенный софизм, на которые так богата глава Данилевского о Константинополе.

Эту культурную беспочвенность русских притязаний на Константинополь, возникшую в связи с национально-секулярной программой Данилевского, обостренно почувствовал Константин Леонтьев и попытался в «Византизме и славянстве» поставить борьбу за Царьград на новые основания. Сохранив философскую основу в виде теории культурно-исторических типов, он пытается перестроить систему аргументации так, чтобы по ней Константинополь выходил русским, национально русским, помимо посредства секулярного и окатоличивающегося племенного славянства. Во имя этого национального присвоения византизма Леонтьев обрушивается и на «идею национальностей», как ее развивает Данилевский.

Именно Леонтьеву, а не Данилевскому принадлежит понятие цивилизационного суверенитета, представление о связи исторического и политического права с преемством основных исторических и культурных начал.

«Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на великокняжеском знамени верующие войска Дмитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь!

Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы...

Что, как не православие, скрепило нас с Малороссией? Остальное все у малороссов, в преданиях, в воспитании историческом, было вовсе иное, на Московию мало похожее...

Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [10, с. 104–105].

Леонтьев производит в «восточном вопросе» переворот от геополитики к хронополитике. Невозможно доказать ирредентистскую основательность русского притязания на Константинополь. Невозможно предъявить геополитическое обоснование, которое не проходило бы по разряду эгоистических пожеланий. Зато можно с абсолютной убедительностью утверждать, что Россия – это настоящее Византии, а Византия – это прошлая Россия. Что именно византийский хронотоп выступает живым и действующим началом русской истории, ее закавказской.

Спору нет, при характеристике этих начал Леонтьев рисует несколько однобокий портрет древней цивилизации, так что временами Византия с ее преувеличиваемым Леонтьевым деспотизмом получается опрокинутой в прошлое копией Османской империи. Но вряд ли можно было ожидать большего на том скудном византологическом фундаменте, который для XIX века до его последней четверти составляли труды Гиббона и Лебо – откровенно враждебные к Византии.

Культурно-политический принцип ставится здесь Леонтьевым выше этнографического. Да, греки этнически ближе к Константинополю (в то время они еще там жили и составляли существенную часть населения), но как политический организм, как представитель определенной цивилизационной идеи к Византии, конечно, ближе Россия, а потому Константинополь должен быть наш. Именно Россия составляет хронополитическое развитие византизма.

Эта враждебность сочеталась со своеобразным источниковедческим слепым пятном в его работах – будучи человеком универсальных знаний, талантливым филологом-классиком, имевшим возможность читать византийских авторов в оригинале, он за весь свой творческий путь цитирует только одну византологическую работу – элементарный учебник Г.В. Курбатова, на основе которого делает поспешный вывод об упадке городской жизни в Византии<sup>1</sup>.

Цымбурский был последовательным сторонником дисконтинуитета Руси и России, России и Византии. Его «золотым веком» была Московская Русь XV–XVII веков, в ней он справедливо обнаруживал раскрытие своеобразия русской цивилизации. «Лишь в Московской Руси XV–XVII вв. мы обнаруживаем не только цивилизационную оригинальность представлений о судьбе мира и пути “оправдания” человека и народа, но и последовательно воплотивший эти представления культурно-бытовой и художественный стиль. Не случайно это время неоднократно делалось для русских XIX–XX вв. предметом фундаменталистских поэтизаций: славянофильской, евразийской, солоневичевской и иных» [24, с. 174].

В его представлении Россия рождается как самостоятельная цивилизация только с разрывом византийской пуповины при отвержении Флорентийской унии. Из своей периферийности Россия переходит к провозглашению себя Третьим Римом и осуществлению своего цивилизационного своеобразия. «Нельзя говорить о существовании русской цивилизации ни во времена Киевской Руси, ни для веков, когда политически данные этносы были частью Ордынской системы, а духовно – отдаленной поздневизантийской епархией. Первым фактором становления здесь цивилизации был крах Византии и означенная эмблемой Третьего Рима эмансипация русских от Средиземноморья» [27, с. 189].

Вот только вопрос – считать ли отвержение Флорентийской унии разрывом с Византией и византизмом или же единственным истинным их продолжением. Выдающийся памятник русской историографии – «Иоасафовская летопись», составленная митрополитом Даниилом, знаменитым иосифлянином, – начинается именно с подробнейшей истории Флорентийской унии, где в качестве центрального борца за православие выступает свт. Марк Эфесский. И отвержение унии Москвой предстает не как цивилизационный или религиозный сепаратизм, а напротив – как продолжение линии Марка и следование истине православия, утраченной греками.

Как религиозная война с унией за Православие предстает война Москвы с Новгородом. Митрополит Филипп I, узнав, что перед свадебным кортежем Софьи Ветхословец несут латинский крыж, произносит историческую фразу: «Он во врата граду, а аз, богомолец твой, другими враты из града», – и добивается от Ивана III отказа даже от этикетного компромисса с папством [6, с. 83].

Если мы обратимся к более раннему периоду, то взаимоотношения Москвы и Византии подробно исследованы прот. Иоанном Мейендорфом, отмечающим как целенаправленное содействие Византии возвышению Москвы, осо-

<sup>1</sup> «Антитеза аграризированной Византии македонских императоров и Халифата с его “массовым городским ремеслом” и “стихией свободных цен” в городах меня впечатлила еще в юности при чтении учебника Г.Л. Курбатова “История Византии” [9, с. 106 и сл.]. Потому тезис Шпенглера о Византии и Халифате как двух выражениях единой – “арабской” – высокой культуры я бы переформулировал как порожденное городской революцией ислама противостояние “ре-формационного” и “контрреформационного” ареалов в пространстве ближневосточной цивилизации последней трети I тыс. н. э.» [24, с. 161]. Между тем, знакомство с работами А.П. Каждана показало бы автору, что как раз на период македонской династии приходится возрождение и относительный расцвет городской жизни, разрушившейся в период иконоборчества. «Классический византизм» Македонской династии и Комнинов – это высокая городская цивилизация [см.: 8, с. 106–109; 7, особенно с. 247–249, 343–345].



знанное предпочтение ее притязаний притязаниям Литвы и ее князя Ольгерда на контроль над Киевской митрополией, так и элементы *translatio imperii*, причем, осуществлявшиеся представителями исихастской традиции<sup>1</sup>.

Мало того, как отмечает А.В. Назаренко, сама терминология и политический концепт «всея Руси», ставший программой Государей Московских, были сконструированы в недрах патриаршей канцелярии в Константинополе [14].

Если дисконтинуитет России и Византии в значительной степени приходится домысливать, то фактическая сторона континуитета обширна и представительна.

### От геополитики к хронополитике

Вовлеченность России в западническую псевдоморфозу объясняется Цымбурским эффектом запаздывания русской цивилизации, слишком поздно вышедшей на свою историческую арену, когда основные места уже заняты, а роли актеров давно расписаны и частично распределены.

Нельзя не признать, что именно это ощущение молодости выступает для русской культуры стрессовым фактором. Рядом с Западом, который базируется на фундаменте средневековой католической Европы, в свою очередь базирующейся на фундаменте Греции и Рима, русская цивилизация и в самом деле очень молода, едва выбирая тысячелетие по самой длинной шкале, начинающейся от «призвания варягов».

Города Франции и вообще романо-германского ядра западной цивилизации – это римские города, основанные в I веке нашей эры, зачастую на месте еще более древних кельтских поселений. По сравнению с этим мхом тысячелетий русская культура кажется легкой ряской, потянувшей древние финские болота.

Однако нельзя не заметить, что «своя древность» сконструирована Западом во многом искусственно. Еще в XIX веке французские учебники начинали родную историю отнюдь не с «наших предков галлов», а с Хлодвига и разрубленной Суассонской чаши<sup>2</sup>. Экспансия Франции, Англии, даже Германии

<sup>1</sup> «Монашество сумело придать идее Византийской империи более реальные очертания “православного содружества”, признающего идеальное главенство византийского императора. Более того, турецкая угроза как будто заставила, по крайней мере, некоторых из них поверить, что славянские страны, и особенно Московская Русь, смогут выступить в той роли форпоста православного христианства, которую в течение веков играла Византия. Эту мысль, без сомнения, выражали такие символические акции, как передача на Русь Дионисием Суздальским точных копий знаменитой Одигитрии, традиционно считавшейся покровительницей Константинополя (1382 г.), перевод на славянский язык составленного патриархом Филофеем акафиста в честь этой иконы, торжественный перенос из Владимира в Москву митрополитом Киприаном византийской иконы “Владимирской Богоматери”, которой народ приписал чудесное спасение Москвы от полчищ Тимура в 1395 г. Более того, символика византийских императорских и русских княжеских портретов на саккосе Фотия не могла появиться без молчаливого, по крайней мере, признания возможности *translatio imperii* в Москву» [13, с. 314]. Любопытный факт: пожалуй, единственное встретившееся мне упоминание Цымбурским Византии в положительном контексте связано с отзвуком именно этой темы: «Истинный Второй Рим, сумев выстроить “мировую деревню” православного исихазма, оставался Империей даже тогда, когда материально свелся к клочку земли над Босфором» [25, с. 131].

<sup>2</sup> Комментируя миф о преподавании африканским школьникам по учебникам, якобы начинавшимся с фразы «Наши предки галлы были высокими, светловолосыми и голубоглазыми», Марк Ферро отмечает: «В начале XIX в. у французов еще не было принято провозглашать галлов своим предками. В школе преподавалась Священная история и сообщались какие-то сведения о первых королях, изложение шло по векам и царствованиям. История Франции начиналась с легендарного Фарамона и останавливалась на Карле Лысом или Людовике Святом» [20, с. 46–47].

в свою древнюю историю, превращение последней в органическую часть национального опыта происходят буквально на наших глазах. В начале 1980-х, работая над фундаментальным трудом «Что такое Франция», Фернан Бродель посвящает огромный раздел книги галло-римским структурам, во многом задающим французское настоящее [2, с. 45–115]. В 1970-х годах благодаря романам Мэри Стюарт о Мерлине и Артуре переоткрыта массовым сознанием кельто-римская Британия. Сегодня уже невозможно представить себе фильм об Артуре, написанный в средневековых декорациях Томаса Мэлори, а не в кельто-римском коде.

Цивилизационное запаздывание России – это отставание в хронополитической экспансии в древность своего пространства, в конструирующем присвоении древности. Запад символически доминирует над Россией, принуждает ко все новым и новым попыткам похищения (каковые, конечно, являются формой осуществления культурной гегемонии Запада) именно потому, что он добился признания себя русскими единственным суверенным представителем древне-европейского начала.

Запад выступает символическим наследником не только Рима, что хотя бы географически объяснимо, но и Древней Греции, что может быть обосновано лишь тем слабым аргументом, что современная Греция состоит в НАТО и Евросоюзе. Мало того, как показывают работы Эдуарда Люттвака, начата и хронополитическая экспансия Запада в Византию [12].

Россия выступает в этой хронополитической схеме как дичок, хилый ствол, долгое время питавшийся лишь случайными и кратковременными соками далекой средиземноморской и западноевропейской периферии, который так и коснел бы в своем отставании, если бы не усилия Петра по прививке этого дичка к могучему стволу западной цивилизации. Понятно, что мысль Цымбурского (и здесь она последовательно патриотична и восстает за достоинство русского народа) ищет самостоятельных, не привязывающих нас к западному стволу основ для русской цивилизации и находит их в своеобразном цивилизационном самопровозглашении в XV веке.

Но Россия самопровозглашает себя в недрах Византийской цивилизации так же, как США самопровозглашают себя в недрах Запада. И как нелепо будет попрекать американцев краткостью истории, которая исчерпывающе восполняется цивилизационным преемством от той же кельто-римской Британии (не случайно игра в римлян – базовая для американского культурно-политического кода), так же точно нелепо попрекать и русских якобы недостаточной прочностью связей с византийским и греческим миром. Реальная эллинская и византийская укорененность России гораздо выше, чем кельто-римско-англосаксонская укорененность США, тем не менее притязавших на осуществление в себе полноты Запада.

Россия точно так же притязает и должна притязать на осуществление в себе полноты эллино-византийского мира, символически продлив свою историю гораздо дальше Византии – к самой заре Эллады, которой так замечательно и вдумчиво занимался Цымбурский. Эллино-скифское взаимодействие, прямая линия преемственности от Херсонеса (фактически принявшего в современном русском цивилизационном сознании роль «малого Константинополя») до Руси, оформление самого феномена Руси в византийском ареале, на византийском пограничье и под византийским культурным и религиозным излучением, другими словами, фактическое цивилизационное учреждение Византией России – всё это ставит отношения России и Европы в другую плоскость. Речь идет уже не о привитии дичка к чужому дереву, а о двух полноценных стволах, одинаково имеющих корни в древнем европейском наследии.





## Итоговые положения

В геополитической плоскости вопрос о суверенном существовании «Острова России» в общем-то неразрешим. У нашего Острова нет никаких гарантий от вторжения, он должен поддерживать неприкосновенность своих берегов непрерывным и трудным геополитическим действием.

Никто нас в покое не оставит. В геополитическом плане никакое самостояние России без соотнесения с Европой через борьбу попросту невозможно. О нас не забудут и нас не простят. А потому идущая с переменным успехом борьба России за свой Лимитроф вечна и неизбежна.

Совсем по-иному стоит вопрос там, где мы переходим от геополитики к хронополитике. Здесь перед Россией открывается пространство экспансии в свое цивилизационное прошлое. Новое вхождение Херсонеса в состав России открывает хронополитические ворота. Это уже вопрос не территориально-го приближения к контактной зоне средиземноморской цивилизации. Это вопрос об уравнивании хронополитических потенциалов России и Запада. Только полноценно воссоединяя Византию на правах своего Старого Света, каковым Европа служит для Америки, Россия оказывается в великом и неизбежном для нее споре действительно на равных. Она может говорить о борьбе с Западом не с рессентиментом цивилизации-нувориша, а «как держава с державой».

Херсонес из абстрактной и не имеющей конкретного геополитического значения декларации превращается в увесистую тяжесть древних камней, вес начертанных на мраморе старинных клятв демократическому устройству полиса, блеск скифского золота, которое уже не Россия похищает у Европы, а Европа у России.

## Литература

1. *Беляков С.С.* Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2013.
2. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. Вторая: Люди и вещи. Ч. 1: Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М.: Изд-во Сабашниковых, 1995.
3. *Данилевский Н.Я.* Горе победителям: Политические статьи. М.: Алир; Облиздат, 1998.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 2-е изд.. М.: Институт русской цивилизации; Благословение, 2011.
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и франко-германская война // *Данилевский Н.Я.* Горе победителям: Политические статьи. М.: АЛИР; Облиздат, 1998.
6. Иоасафовская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014.
7. *Каждан А.П.* Деревня и город в Византии IX–X вв.: Очерки по истории византийского феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
8. *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. М.: Учпедгиз, 1958.
9. *Курбатов Г.Л.* История Византии. От античности к феодализму / Учебное пособие для вузов по специальности «История». М.: Высшая школа, 1984.
10. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996.
11. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996.
12. *Люттвак Э.Н.* Стратегия Византийской империи. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.

13. *Мейендорф Иоанн, прот.* Византия и Московская Русь (очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке). Paris: YMCA-Press, 1990.
14. *Назаренко А.В.* «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII веке: церковные истоки этнополитической терминологии // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 г.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского, 2009.
15. *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России: 1849–1855. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1969.
16. *Нефедкин А.К.* Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX века). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
17. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999.
18. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России // Рождение нации (Серия альманахов «Арабески истории». Вып. 7). М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 593–616.
19. *Фергюсон Н.* Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ, 2014.
20. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб 36.6, 2010.
21. *Цымбурский В.Л.* А знамений времени не различаете... // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 286–306.
22. *Цымбурский В.Л.* Александр Солженицын и русская контрреформация // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 475–485.
23. *Цымбурский В.Л.* Геополитические взгляды Федора Достоевского // Русская idea. 2014. 15 ноября. URL: <http://politconservatism.ru/experiences/geopoliticheskie-vzglyady-fedora-dostoevskogo/>
24. *Цымбурский В.Л.* «Городская революция» и будущее идеологий в России // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 156–180.
25. *Цымбурский В.Л.* «Европа-Россия»: «Третья осень» системы цивилизаций // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 105–132.
26. *Цымбурский В.Л.* Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 278–285.
27. *Цымбурский В.Л.* Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 181–197.
28. *Цымбурский В.Л.* Китай до Урала – цена русского европеизма // *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. М.: Европа, 2011. С. 152–159.
29. *Цымбурский В.Л.* Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 29–43.
30. *Цымбурский В.Л.* Николай Данилевский как геополитик // Русская idea. 2014. 3 октября. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/nikolay-danilevskiy-kak-geopolitik-chast-pervaya-/>; 2014. 8 октября. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/nikolay-danilevskiy-kak-geopolitik-chast-vtoraya/>
31. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–28.
32. *Цымбурский В.Л.* «От великого острова Руси...» к прасимволу российской цивилизации // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 340–368.

33. *Цымбурский В.Л.* Циклы «похищения Европы» // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 44–64.
34. *Цымбурский В.Л.* Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 133–155.
35. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. (2-е изд. Иркутск, 2001).
36. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

*Аннотация.* В статье исследуется влияние геополитических идей Николая Данилевского на Вадима Цымбурского, выявляются сходства и различия в подходе обоих мыслителей ко внутренней и внешней геополитике России. Идеи обоих мыслителей критически подсвечивают уязвимые пункты в концепциях друг друга. Разбираются национализм, панславизм и программа борьбы за Константинополь Данилевского, идеи Цымбурского об «Острове России», лимитрофном поясе, исходе «к своему Востоку», внимании к региону Новороссии. Автор статьи приходит к выводу, что ключевые проблемы, ставимые Данилевским и Цымбурским, не имеют чисто геополитического решения и требуют перехода в область хронополитики, рассмотрения цивилизаций как исторических и культурных, а не только лишь географических целостностей.

*Ключевые слова:* Данилевский; Цымбурский; геополитика; Константинополь; панславизм; национализм; Остров Россия; цивилизация; лимитроф; Сибирь; внутренняя колонизация; Новороссия; Константин Леонтьев; хронополитика; Византия.

Yegor S. Kholmogorov, political writer, web-magazines “Russkiy obozrevatel” and “Novye khroniki”, Chief Editor.

Searching for Lost Tsargrad: Tsymbursky and Danilevsky.

*Abstract.* The article analyzes how Nikolay Danilevsky’s geopolitical ideas influenced Vadim Tsymbursky, and reveals the similarities and differences in the approaches of both thinkers to Russia’s internal and external geopolitics. Their ideas critically underline vulnerable points of each other’s concepts. Danilevsky’s nationalism, pan-Slavism and the programme of the struggle for Constantinople are observed, as well as Tsymbursky’s ideas of «Island Russia», limitrophe zone, internal colonization, and his attention to the region of Novorossia. The author comes to a conclusion that the key problems stated by Danilevsky and Tsymbursky don’t have a solely geopolitical solution and demand the transition to chronopolitics, the consideration of civilizations not only as geographical, but also as historical and cultural integrals.

*Keywords:* Danilevsky; Tsymbursky; geopolitics; Constantinople; pan-Slavism; nationalism; “Island Russia”; civilization; limitrophe; Siberia; internal colonization; Novorossia; Konstantin Leontiev; chronopolitics; Byzantium.